

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА.
К СТОЛЕТНЕМУ
ЮБИЛЕЮ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОЕКТА**

Н. М. Межевич*

Рассмотрены основные характеристики Восточной Европы как политического проекта, генезис Восточной Европы как политического региона. Дана периодизация истории Восточной Европы, приводятся важнейшие признаки процессов суверенизации — десоверенизации региона. Проанализированы геополитические проекты «Междуморья». Показано, что Восточная Европа объективная реальность, чья история далека от завершения. Вместе с тем выдвинут и доказан тезис о том, что конструирование различного рода «Балтийско-Черноморских» моделей сотрудничества, ориентированных на изоляцию России, объективно противоречит интересам всех участников политического процесса. При подготовке работы использован комплекс методов, включающий исторический, структурно-функциональный анализ, а также системный подход. Основная гипотеза исследования заключается в том, что междуморье как политический проект отражает важную часть системных признаков Восточной Европы как политического региона, но не тождественно ему как с географических позиций, так и с точки зрения политического регионализма. Антироссийская направленность проектов «Междуморья» доминирует, однако она не имманентно присуща этой группе концепций. Переформатирование концепций «Междуморья» под формат новой модели сбалансированного сотрудничества «Москва — Варшава — Берлин» может считаться актуальной политической задачей, требующей адекватного научного решения. При этом сам регион Восточной Европы в очередной раз проходит точку бифуркации и потенциально может стать новой точкой опоры в среде новой европейской нестабильности. Проекты «Междуморья», на первый взгляд традиционный объект исследования, должны быть заново оценены в новых политических и экономических условиях. Данная статья — шаг в указанном направлении.

* Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9

Поступила в редакцию 10.12.2015 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-2

© Межевич Н. М., 2016

Ключевые слова: Восточная Европа, Россия, Польша, Европейский союз, периферийность, лимитроф, идентичность, суверенитет, «Междуморье»

Теоретической предпосылкой к рассмотрению вопросов региональной идентичности и суверенитета Восточной Европы могут стать различные концепции теории международных отношений. К числу таких теоретических концепций можно отнести и научно-теоретические подходы транснационалистов. В рамках теории международных отношений подходы транснационалистов также дифференцированы, но, как правило, характеризуются через четыре главные тенденции:

1. Размывание границ между внутренней и внешней политикой. Международная активность регионов и других объектов федеративных государств, непосредственное влияние международной жизни на внутривнутриполитические процессы.

2. Демократизация международных отношений и внутривнутриполитических процессов, основанная на достижениях постиндустриальной революции и распространении информации.

3. Возрастание роли трансграничных экономических акторов.

4. Модификация традиционных подходов к суверенитету.

Роберт Кеохейн и Джозеф Най в своей, теперь уже классической, работе «Транснациональные отношения и мировая политика» [1] указали на качественный и одновременно резкий рост уровня взаимозависимости между отдельными странами, регионами и нетрадиционными акторами в экономической, политической и социальной сферах. Этот вывод применительно к 70-м гг. вызвал определенную дискуссию. В настоящее время она ведется не столько о возможности и правильности подобного подхода, сколько о конкретных последствиях разворачивающейся транснационализации международных отношений. В конце XX в. постепенно стал меняться вектор восприятия глобализации. Как отмечает Л. Фосет, «регионализация мировой экономики была отчасти продиктована противодействием государств разрушительным последствиям глобализации» [2, р. 26]. Сегодня эта позиция разделяется рядом российских и европейских экспертов, рассматривающих регионализацию как своего рода глобализацию, но в ограниченных масштабах. Таким образом, последствием глобализации является ее «вторая сторона» — регионализация.

Глобальный мир пост-Вестфальской эпохи демонстрирует деструкцию государственной идентичности, ключевой признак которой — суверенитет. Сама постановка вопроса об определении «европейских идентичностей», при котором приоритет отдается уже не «европейской идентичности» как таковой, а «сумме географически весьма разрозненных, культурно децентрализованных и политически очень неравных идентичностей» [3, с. 302]. При этом современные международные отношения детерминируются регионализмом, они все более основываются не на традиционной геополитической совокупности истории, культуры и традиций и классическом понимании суверенитета, а на субъективном осознании элитами своих базовых интересов, в конечном счете определяемыми не только экономикой, но и культурным кодом. Отметим, что при всем очевидном единстве так называемых «европейских ценностей» их понимание в Берлине существенно отличается от трактовки в Варшаве.

Да, правящие элиты Восточной Европы начиная с 90-х гг. добровольно секвестировали качество и количество суверенных управленческих функций. Особенно выпукло этот процесс происходил там, где делегирование суверенитета было оформлено в общественном сознании как осознанная, но очень тяжелая жертва (Польша). Иная модель, «сброс балласта» — ненужных и в целом непривычных функций — оказалась характерной для Латвии и Эстонии. Укажем при этом, что традиции суверенитета в Восточной Европе не являются такими прочными, как в традиционной, т. е. Западной, Европе. Очевидное исключение — Польша страна суверенитета духа даже в условиях отсутствия суверенитета де-юре.

Современные трактовки суверенитета весьма разнообразны. Юридические нормы и прежде всего понимание суверенитета эпохи ялтинско-потсдамской системы уходят в прошлое. Право ООН, предполагавшее, что:

- государства юридически равны;
- они пользуются всеми правами, вытекающими из их суверенитета;
- должна уважаться территориальная целостность и политическая независимость государств;

— существование суверенных государств гарантируется современным международным правом и международными организациями [4], на сегодняшний день для одних экспертов и практиков является предметом для дискуссий, для других уже не действует.

Мы исходим из того, что существует группа последовательных сторонников суверенности государства. Д. Ллойд указывает на то, что подчинение нормам международного права не влечет за собой растворения государственного суверенитета. Ограничения, по его мнению, налагаются только на действия в международной, но не во внутренней сфере [5]. Американский политолог Майкл Уолцер считает, что суверенитет проистекает из права народа на самоопределение. Таким образом, суверенитет как бы воплощает в себе историю народа, его культурные и социальные особенности. Как полагает Уолцер, суверенитет не становится автоматическим признаком государства. Он имеет конкретное национальное оформление [6].

С другой стороны, идею размывания суверенитета поддерживают не только подавляющее большинство юристов и политологов, но и такие идеологи-пропагандисты, как Ф. Фукуяма [7], С. Хантингтон [8], Э. Тоффлер [9], З. Бжезинский [10], К. Омае [11].

Возникает вопрос, почему вышеупомянутые ученые, имеющие практически по всем вопросам разные позиции, в данном случае выступают как единомышленники? С нашей точки зрения, акцентируя внимание общественности на имеющихся формальных разногласиях по несущественным вопросам, они, по сути, обслуживают одну и ту же масштабную концепцию современного евро-атлантического права, которому в силу исторических причин дан статус международного. Именно поэтому появилось понятие «perforated sovereignty», имеющее прямую связь с термином «perforated democracy» [12]. В этом контексте

российская политологическая новация — «суверенная демократия» [13—19] уже не выглядит тавтологией, а лишь подчеркивает тот факт, что в данном случае речь идет, прежде всего, о реальном суверенитете, а затем о конкретной, исторически и географически обоснованной модели демократии. Нельзя не вспомнить то, что дискуссия о суверенитете для стран Восточной Европы предельно политизирована с одной стороны и взаимосвязана с практиками экономического развития.

Специфика десоверенизации в ЦВЕ еще нуждается в исследовании. «Очевидно, что процессы трансформации национального суверенитета протекают в странах «старой» и «новой» Европы неодинаково». С этим тезисом трудно спорить, однако далее автор продолжает: «Это связано с тем, что центрально- и восточноевропейские государства приобрели политическую независимость относительно недавно, что обуславливает их нежелание расставаться со столь тяжело доставшимся им суверенитетом» [20, с. 23]. Анализ политических процессов в Восточной Европе показывает, что относительных экономических успехов некоторым государствам удалось достичь, однако суверенитет был безвозвратно утерян. Попытки Венгрии и Польши в последние годы вернуть его отдельные элементы оказались безуспешными. К примеру, организация польских националистов «Лагерь Великой Польши» (OWP), а также Славянский союз (ZS) осенью 2014 г. провели в Варшаве несколько акций протеста против политики польских властей, были выдвинуты не националистические, а антиукраинские и антиамериканские лозунги ресоверенизации [21]. Польша проявила себя как страна, которая вправе не только декларировать, но и отстаивать свои национальные интересы. Республика Польша претендует на роль регионального лидера в Центральной и Восточной Европе. События зимы 2016 г. подтверждают это. Поляки не хотят разрывать все связи с Европейским союзом, но они не желают слепо следовать всем рекомендациям Берлина или Брюсселя. Позиция Польши имеет значение не только для Венгрии, но и для абсолютно лояльных европейским практикам Литве, Латвии или Эстонии. Кризис с беженцами создает окно возможностей для центральноевропейского союза нового типа, но для этого должен быть достигнут баланс в отношениях с Россией.

Случай государств Прибалтики как части междуморья и части Восточной Европы особый [22]. Утрата суверенитета здесь была позиционирована как геополитическое достижение, цивилизационный прорыв. Значимая часть суверенитета была сознательно делегирована в Брюссель и Прагой, Будапештом, Варшавой, но только в Прибалтике утрата суверенитета не сопровождалась даже видимостью реального торга с Европейским союзом по экономическим или политическим вопросам.

Отметим также, что и в России нет консенсуса по вопросу о качестве суверенитета. Представлены различные позиции, в том числе и рассматривающие интеграцию как способ эволюции суверенитета [23]. «Национальное государство подразумевает наличие политического аппарата, признанные права суверенности в пределах границ демаркированного территориального пространства, способность поддержать свой

суверенитет посредством контроля над военной силой, позитивные чувства государственной принадлежности у многих из граждан» [24, р. 303]. Э. Гидденс прав: национальное государство именно подразумевает (предполагает) суверенитет, но вовсе не гарантирует. Именно это положение важно в контексте данной работы. Мы исходим из того, что «суверенитет является относительным понятием, изменчивым с течением времени, приспособляющимся к новой ситуации и новым потребностям» [25, р. 440—441].

Де-факто Словакия или даже Польша в значительной степени оказались обеспеченными не своим, а западноевропейским суверенитетом. Однако каковы пределы заимствования и использования суверенитета с юридической, а главное, с практической точки зрения? Центральноевропейская версия суверенитета четко показывает ошибочность программного тезиса мэйнстрима евро-атлантической политологии и его российских апологетов: «Взаимосвязь внутренней и внешней политики является атрибутом всех зрелых демократий, причем, чем более развиты демократические институты государства, тем она (взаимосвязь) глубже» [26, с. 273]. Опыт свидетельствует о том, что предельная взаимозависимость внутренней и внешней политики характерна скорее для стран, где демократии в ее атлантическом понимании не было, нет и не будет. Равным образом в условиях масштабной экономической нестабильности иллюзия решения внутривнутриполитических проблем за счет внутривнутриполитических «достижений» приводит к масштабным провалам.

Применительно к Европе в целом и Восточной Европе существует концепция, предполагающая, что время сжалось, а конфликтогенность увеличилась. В принципе это верно. Указание на масштабы и скорость изменений в мировой политике и экономике справедливо, и вместе с тем, обращаясь к рассматриваемому региону, нельзя не отметить высочайшую динамику преобразований в Восточной и Центральной Европе. Именно здесь никогда не было спокойствия и плавного течения политического процесса.

Сама по себе Восточная Европа как политический регион возникла в рамках версальско-вашингтонской системы. Однако нельзя сказать, что это произошло одновременно. Территориально-политическое устройство в регионе непрерывно менялось вплоть до 1939 г., продолжало эволюционировать в годы Второй мировой войны (Первый и Второй венский арбитраж). Отразив наступление Красной армии под закономерными лозунгами объединяющей национальной идеи, армия генерала Желиговского захватила часть Литвы (Виленский край). В какой степени это соответствовало программному тезису польских борцов с Российской империей: «за нашу и вашу свободу»?

Отметим, что политический радикализм в формах фашизма, троцкизма, радикальных трактовок коммунизма если и не возник в регионе, то полноценно присутствовал в нем на протяжении десятилетий. Вероятно, только Чехословакия с трудом сохранила политический режим, близкородственный французской или британской демократии.

Возможна ли была иная модель развития? С нашей точки зрения, нет. Исторически, Вена, Санкт-Петербург и Берлин накопили хороший опыт управления нетитульными нациями. Сложившиеся системы управления в условиях мирного времени могли просуществовать долго, в том числе и за счет сотрудничества имперских столиц. Территориально-политическое переустройство предполагалось большинством участников Первой мировой войны. Однако следует подчеркнуть то, что Россия, Австро-Венгрия и Германия после победы вовсе не планировали создавать подлинно суверенные национальные государства. В подготовленном в 1915 г. меморандуме Балтийского доверенного совета (группа немцев — эмигрантов из Эстляндской и Лифляндской губерний Российской империи) указывалось: «Линия Нарва — Чудское озеро» является границей, обеспечивающей военную безопасность Германии». Предполагалось, что такая граница создает угрозу Петербургу, «что в свою очередь вызовет его эвакуацию и перенос столицы, а соответственно, и административный распад России» [27, с. 235]. В это же время и возник меморандум немецкого военного и политика Э. Людендорфа «Цели германской политики», который является важнейшим документом, где наиболее полно отражены планы германских захватов в Восточной Европе. В меморандуме указывалось, что прорыв «железного кольца» Антанты может быть осуществлен в случае, если бы Россия в политическом, экономическом и военном отношении оказалась полностью зависимой от Германии и превратилась бы в источник ее экономической силы и политической мощи. Таким путем Германия сможет обеспечить себе господствующее положение в Европе, заложить основы европейско-азиатского блока и обеспечить себе положение мировой державы, которая могла бы стать противовесом пан-американскому и британскому блокам.

По плану Людендорфа Финляндия, Прибалтика, Литва, Польша, Украина и Грузия должны были быть окончательно отделены от России, в остальной ее части — конечно, после свержения большевизма! — должно быть создано федеративное государственное образование при условии его «тесной» экономической связи с Германией [28]. Однако полноценная реализация этих планов требовала обсуждения этих вопросов с союзниками Берлина. Канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег писал послу в Вене фон Чиршки: «... в случае победоносного исхода войны необходимо образование нескольких буферных государств между Россией, Германией и Австро-Венгрией с тем, чтобы отодвинуть Россию как можно дальше на восток» [27, с. 196]. Данный подход получил закономерное воплощение в Брестском договоре 1918 г.

Пока существовала Австро-Венгрия — монархия Габсбургов, авторы этих планов в основном исходили из идеи ее территориального сохранения при изменении административно-политической системы, т. е. превращения ее в федерацию или конфедерацию, объединение территорий или объединение народов. Достаточно вспомнить проекты второй половины XIX — первой половины XX в.: Дунайскую конфедерацию венгров Лайоша Кошута, Срединную Европу австрийского немца

Феликса Людвиг Шварценберга, Фридриха Науманна, Пан-Европу Рихарда фон Куденхофа-Калерги, различные другие формы регионального сотрудничества государств [29].

Однако 1917 и 1918 гг. закрыли вопрос о самом существовании трех империй как политических проектов. Возник регион Восточная Европа как политическая и историческая данность. Еще раз подчеркнем, сразу же обозначался масштаб внутренних проблем. Мы не можем списывать эти проблемы межвоенного периода, особенно в 20-е годы, на интриги Москвы, Берлина.

Регион Центральной Восточной Европы обладает собственными внутренними источниками конфликтогенности. Это обстоятельство де-факто признается в восточноевропейских столицах. Вопрос лишь в том, какие из этого делаются выводы. Длительное пребывание польского народа в составе объективно чужих империй привело к формированию собственного квазиимперского комплекса, на удивление прочного и влияющего на внешнюю политику Польского государства и спустя 100 лет после Версаля.

В Польше идея «Третьей Европы», т.е. союза мелких государств под польским главенством, была очень популярна практически до осени 1939 г. По мнению британской исследовательницы З. Коэтс: «Сменявшие друг друга польские правительства вплоть до весны 1939 года были заняты тем, что постоянно планировали и разрабатывали варианты:

а) расчленения СССР;

б) создание блока государств, который отделил бы СССР от Западной Европы» [30, p. 127].

Еще один пример, иллюстрирующий научную и политическую дискуссию в Польше: «Наша цель — сплотить вокруг польского народа другие народы, проживающие на территории между Северным Ледовитым океаном и Черным морем, зажатые между большевистской Россией и гитлеровской Германией» [31]. В книге «Экономическая политика гитлеровской Германии» Эдмунд Харашкевич писал, что «стиснутая между двумя страшно динамичными государствами-колоссами, Польша должна бдительно следить за всеми жизненными проявлениями наших соседей» [32; 33]. Так функционировал прометеизм — политическая концепция Ю. Пилсудского, направленная на ослабление России (впоследствии СССР) посредством поддержки сепаратистских движений нерусских народов. Частично основывалась на классической ягеллонской идее, прометеизм адаптировал ее к текущей практике межвоенного периода.

В 1926 г. в Париже была основана организация «Прометей» («Prometeusz»), в состав которой вошли представители Азербайджана, Донских казаков, Грузии, Идель-Урала, Ингрии, Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины [34]. На это движение работали Восточный институт в Варшаве и Научно-исследовательский институт Восточной Европы в Вильно. Краткая история польского прометеизма была опубликована в феврале 1940 г. Эдмундом Харашке-

вичем (Edmund Charaszkiwicz), офицером польской военной разведки, в обязанности которого с 1927 г. до начала Второй мировой войны входила координация прометеувской программы.

В 1959 г. эта идея легла в основу американской «Декларации о поработенных народах». Журнал «Nowy Prometeusz» издается и в настоящее время, идеологически являясь одним из продолжателей дела Харашкевича. Деятель Конфедерации независимой Польши Анджей Издебский выдвигал проект создания Федерации народов Центральной Европы, в которую должны войти 17 государств. Исходя из значения города для народов Центральной Европы, Львов предлагался на столицу этой федерации [35, с. 15].

В существенно модернизированном варианте эти подходы отразились в концепции Ежи Гедройца¹ — Юлиуша Мерошевского². Провозглашенная ими «Восточная политика» Польши, де-факто рассматривала взаимоотношения Польши с Украиной, Беларуссией, Литвой как сублимацию отношений с СССР. Тот факт, что существовала социалистическая Польша и мощный СССР, а сама концепция или доктрина написана интеллектуалами в парижской эмиграции рассматривался как несущественный. После 1991 г. к концепции Ежи Гедройца — Юлиуша Мерошевского было привлечено профессиональное внимание как к реализованному прогнозу. События 2013—2015 гг. показали предел эффективности концепции Гедройца — Мерошевского. Путем частичного признания своей ответственности за события, происходившие в литовской, украинской и белорусской истории в эпоху нахождения этих народов под скипетром польских королей, поляки устраняли причину враждебности к себе литовцев, украинцев и белорусов [36]. Однако Польша, акцептировав украинский национализм, исходила из того, что он всегда будет направлен против России. В настоящее время стало очевидным то, что, поддерживая местные национализмы, можно получить трудно предсказуемый конфликт с неопределенным географическим вектором развития. Следует внимательно анализировать традиционные и новые польские подходы к «междуморью». Географически «междуморье» может быть практически в любом «составе». Однако не Эстония и не Албания значимые участники проекта. Исторически, географически, политические проект «Междуморья» не может состояться без Республики Польша. Без Украины — может. Следует объективно понимать и принимать во внимание весь комплекс польского видения проблематики Восточной Европы и искать формы взаимодействия на основе общих позиций. Подчеркнем, они есть, но должны стать предметом отдельной статьи.

¹ Ежи Гедройц (1906—2000) — польский публицист и политик. Основатель и бессменный редактор журнала «Культура».

² Юлиуш Мерошевский (1906—2000) — польский писатель и публицист, ближайший соратник Е. Гедройца.

Следующий важный вопрос, который следует рассмотреть, это проблема возникновения Восточной Европы как политического, а не географического явления. По мнению Ларри Вульфа, вплоть до начала XVIII столетия европейцы подразделяли свой континент на средиземноморский Север и балтийский Юг, и лишь с наступлением века Просвещения родилась концепция «Восточной Европы» [37]. С подобным подходом нельзя согласиться. Ориентализм как научный подход еще не факт признания Восточной Европы как политической данности.

С нашей точки зрения, географическая данность приобрела политическое наполнение в 1918—1920 гг. С 1944 по 1956 г. формировалась вторая версия Восточной Европы. Процессы распада социалистической системы и СССР в 1986—1991 гг. дали начало третьей, но не последней стадии эволюции региона. Расширение Европейского союза на восток не привело к отмиранию Центрально-Восточной Европы как региона [38; 39].

Падение советской системы не изменило идентичность региона. Центральновосточные европейские страны попали в орбиту влияния Европейского союза как нового интеграционного проекта, а затем и вошли в его состав. Расширение Евросоюза оказало существенное влияние на политику и экономику ЦВЕ, но не изменило периферийный политический статус региона и специфику его экономического развития.

Это связано с тем, что в основе центральновосточной европейской идентичности не только коммунистическое прошлое. При этом научным и экспертным сообществом именно этот коммунистический этап позиционируется как ключевой для формирования идентичности. Это не корректно с точки зрения хронологии. Эпоха «мировой системы социализма» — не более 30 лет из столетия жизни региона. В России подобные объяснения феномена ЦВЕ весьма часты, к примеру, в интереснейших работах И. Н. Тарасова [40]. Значимое исключение — труды С. А. Романенко, еще в 1994 г. отмечавшего: «Ученые и журналисты часто рассматривают межэтнические конфликты в Восточной и Средней Европе исключительно как наследие коммунизма, который сдерживал процессы национального самоопределения, или, наоборот, как результат краха этой системы, сдерживавшей этнические конфликты» [29, с. 224].

В данном контексте важно отметить то, что вопросы генезиса политической Восточной Европы изучаются довольно давно, дискуссии по этому вопросу вызывают большой интерес. В 2007 г. заметным событием в этом плане стала книга: «Восточная Европа после "Версаля"» [42]. Интересно то, что она, с одной стороны, получила высокую оценку на радио «Свобода» [43], а с другой — не вызвала резкой критики той части экспертного сообщества, для которой комплимент на радио «Свобода» сам по себе становится формальным поводом для начала дискуссии. Почему же не получилось дискуссии в этом случае? Важно

отметить дату выхода работы — 2007 г., время, предшествующее экономическим и политическим испытаниям 2008—2016 гг. Однако главная причина консенсусного подхода к оценке заключается в том, что авторам удалось зафиксировать главный признак восточноевропейского региона — его лимитрофность и периферийность. С этим согласились практически все участники. Проблемность региона не стала дискуссионным вопросом.

Следующий вопрос — географические границы и внутренняя структура «междуморья». По мнению профессора П. Тамаша, его «составляют три шлейфа: 1) Балтийская зона; 2) Польская зона; 3) Южная зона (Причерноморье)» [44]. Близкая позиция у А. В. Мальгина: «Исходя из понимания международно-политического региона как совокупности явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, можно констатировать появление устойчивого феномена — «новой Восточной Европы»» [45]. Компоненты данного региона: во-первых, это три страны восточноевропейского фланга СНГ. Во-вторых, это приграничные страны «классической» Восточной Европы — Польша, Словакия, Венгрия и южные соседи — Румыния, возможно, Болгария. Третий примечательный компонент региона «новой Восточной Европы» — страны Прибалтики. Рассматривая этот вопрос, следует вспомнить и коллективную монографию французских и польских историков: Н. Алексюн, Д. Бовуа и др. «История Центрально-Восточной Европы» (СПб.: Евразия, 2009). Как считает профессор Романенко: «Авторы книги объединили свои усилия в стремлении дать максимально полное представление об истории стран и народов того региона, которому они дали условное название «Центрально-Восточная Европа». Строго формально — это история Польши, Чехии и Венгрии в их исторически менявшихся границах, которые в разное время включали в себя также территории современных Литвы, Белоруссии, Украины, Словакии и некоторых других стран» [46, с. 323]. «Историко-географический регион Средней Европы состоит из двух субрегионов — Центральной и Юго-Восточной Европы, то есть Балкан. До и после переустройства этого пространства после окончания Первой мировой войны регион относили также к Восточной Европе. Однако термин «Восточная Европа» (это понятие существовало с XVII—XVIII вв.), с 1945 по 1991 г. имел совершенно определенное военно-политическое и социально-идеологическое содержание» [47, с. 39].

Несмотря на все старания, концепция Центрально-Восточной Европы остается спорной и не получила сколько-нибудь серьезного признания за пределами узкого круга ее сторонников, что можно объяснить очевидной искусственностью самого термина [46]. Збигнев Бжезинский так охарактеризовал международное положение на территории бывшего СССР: «...теперь заполнено дюжиной государств, большинство из которых (кроме России) едва ли готовы к обретению подлинного суверенитета; к тому же численность населения этих государств тоже разная: от довольно крупной Украины, имеющей 52 млн человек, и до Армении, насчитывающей всего 3,5 млн. Их жизнеспособность представ-

лялась сомнительной, в то время как готовность Москвы постоянно приспосабливаться к новой реальности также выглядела непредсказуемой» [48].

Границы региона достаточно подвижны. С 1920-х гг. германские географы и историки вводят понятие «Средняя Европа» (Mittel Europa) или иногда «Восточно-Центральная Европа» (Ostmittel Europa), включая при этом собственную страну в состав этого региона. Укажем и на то, что немецким геополитикам 20—30-х гг. не пришло бы в голову включать в состав региона Восточной Европы Советскую Украину или Белоруссию. По мнению С. А. Романенко, историко-географический и политический регион Средняя Европа состоит из двух субрегионов — Центральной и Юго-Восточной Европы, т. е. Балкан [47].

Отмечая проблематичность этой терминологии, известный немецкий историк К. Цернак предлагал еще в 1977 г. трактовать термин «Восточная Европа» в широком смысле как особую территориально-политическую систему. В более поздних работах он не только вернулся к данному вопросу, но и подробно исследовал польско-российские отношения [49].

Итак, в конце XX в. этот регион «увеличился» за счет распада СССР на Украину, Белоруссию, Молдавию. Указанные страны с этим тезисом солидарны и рассматривают данное обстоятельство как потенциальную принадлежность к более высокой «лиге». Эти три государства, при всех внутренних различиях, представляют определенную общность как историко-географического, так и экономического характера. Переходный характер экономики сочетается здесь с очевидной незавершенностью политических трансформаций. Для государств Прибалтики, де-факто являющихся частью «междуморья», этот факт комплиментом не является, так как Эстония самоидентифицируется своей элитой как «северная страна» (?!).

Далее, следует отметить, что само понятие «Восточная Европа» является не только указанием на географические и политические особенности, но и на экономическую специфику. Историческая тупиковость пути догоняющего развития и попыток прыгнуть на подножку уходящего поезда западной цивилизации продемонстрирована всем ходом нашей истории в 90-е гг. XX в.: «Переходный период» окончился провалом, а мировая конъюнктура становится все менее демократичной и все более рыночно-авторитарной [50]. Привлекательность западноевропейской модели на рубеже 2015—2016 гг. видится существенно иначе, чем в начале века.

Какие же главные признаки Восточной Европы как геополитической концепции «Междуморья» можно выделить?

Особо следует остановиться на политических процессах, внешней формой которых выступает трансформация юридического статуса границ в Восточной Европе. Государственные границы стран Варшавского договора и СЭВ, т. е. границы между союзниками первоначально трансформировались в границы между государствами-конкурентами. (Это относилось к самому широкому спектру конкуренции, начиная от

борьбы за право первоочередного вступления в НАТО, до конфронтации на западном рынке замороженных овощей.) В данном контексте вспомним договор между ЧССР и ВНР о строительстве на Дунае и совместной эксплуатации в будущем комплекса из двух взаимосвязанных ГЭС в районе городов Габчиково (Чехословакия) и Надьмарош (Венгрия). Межгосударственный договор был одобрен и всемерно поддержан решением Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) в 1977 г. В 1988 г. под давлением «зеленых» венгерские власти отказались от реализации своей части проекта, и в 1989 г. Венгрия вышла из него. После распада СЭВ Словакия в одностороннем порядке перекрыла Дунай и построила свою часть ГЭС в Габчиково, что послужило причиной конфликта. В 1992 г. Венгрия обратилась с жалобой на Словакию в Международный суд в Гааге, в ОБСЕ, СБ ООН. Конфликт произвел крайне негативное впечатление на все страны региона и, что важнее, на западноевропейские столицы и Вашингтон.

В этом контексте рассматриваемых вопросов следует согласиться с мнением З. Бжезинского. Классик геополитики в своей книге «Агония коммунизма», выпущенной еще в СССР стотысячным тиражом (!?), отмечает: «Марксизм-ленинизм не предвидел и не учел тех фундаментальных сил, которые формируют международную ситуацию... Он недооценил роль этноса и национализма» [51]. Это так, но для Восточной Европы марксизм в его конкретной управленческой форме заморозил на десятилетия традиционные межнациональные конфликты. Возникла новая традиция толерантности и деполитизации исторической памяти, более чем благосклонно воспринятая в ЕС. Отметим, что только через 15—17 лет (в 2004 г.) в рамках Евросоюза начали выстраиваться новые инструменты сотрудничества. За этот период крупных конфликтов в регионе не возникло. Югославия все-таки, прежде всего Балканы, а уж потом Восточная Европа.

Периферийность Восточной Европы имеет не только пространственное, но и временное измерение. «Жившие часто на одной территории разные средне- и восточноевропейские народы объективно препятствовали политическому самоопределению друг друга в соответствии с классическим принципом XIX века «одна территория — одна нация — одно государство». В Восточной и части Средней Европы утвердилась не модель полиэтнического государства-нации, как в Западной Европе, а моноэтнического государства-национальности [29]. Именно поэтому масштабные издержки для политического и экономического суверенитета, связанные с евроинтеграцией, были сочтены оправданными.

Территориальная эволюция СССР не изменила сам характер геополитического проектирования в Восточной Европе, правильнее говорить о сокращении пространственного масштаба. Г.М. Маленков, подводя внешнеполитические итоги развития страны в 1949 г., подчеркивал: «Никогда на протяжении всей своей истории наша Родина не имела столь справедливо и хорошо устроенных государственных границ. Взгляните на карту. На Западе — Украина собрала в одну семью весь свой украинский народ. Устранена историческая несправедливость в

отношении границ Белоруссии и Молдавии. На Западе нет больше Восточной Пруссии — этого многовекового плацдарма для нападения на нашу Родину» [52, с. 5—6]. Это задало новые географические рамки «проектов Междуморья».

В свою очередь, распад СССР вернул западные территории СССР в геополитическое проектирование. «Белорусский Народный Фронт» и «Народный Рух» Украины в конце 80-х и начале 90-х гг. активно разрабатывали идею Балто-Черноморского Содружества (БЧС). На более позднем этапе (в июле 1994 г.) в Киеве было подписано соглашение между 15 партиями шести стран (Белоруссии, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши, Украины), которое назвали Лигой партий стран «Междуморья».

В сентябре 1997 г. в Вильнюсе состоялась встреча президентов государств Центральной и Восточной Европы — Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Молдавии, Польши, Румынии, Украины, Финляндии и Эстонии. Присутствовал также российский премьер-министр. Официально саммит был устроен с целью обсуждения опыта реформ и концепции Балтийско-Черноморского транспортного коридора. Однако следует принять во внимание, что большинство участников встречи составляли представители стран, провозгласивших главной задачей своей внешней политики вступление в НАТО и ЕС. В Вильнюсе была сделана попытка показать новые рубежи западного сообщества, с одной стороны, хорошо защищенными, а с другой — не очень враждебными по отношению к России, которая при этом оставалась бы вне европейских структур.

После развала Советского Союза впервые публично о необходимости Балто-Черноморского сотрудничества серьезно заговорил на саммите стран региона в Вильнюсе в 1997 г. тогдашний президент Литвы Альгирдас Бразаускас.

В ноябре 1998 г. в Варшаве встречались президенты Польши, Венгрии, Чехии, Украины, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии. Как было неоднократно отмечено на официальных мероприятиях, в столицу Польши приглашены главы государств, с которыми ее объединяет опыт конституционных реформ, тесное политическое и экономическое сотрудничество, совместные цели по интеграции в евро-атлантические структуры.

В августе 2015 г. в Киеве состоялась пресс-конференция на тему: «Создание альянса Балто-Черноморских Наций (АБЧН)». Общественная организация «Балтийско-Черноморская Конфедерация» создана в феврале 2015 г. Любые иные подходы, связанные, к примеру, с Беларусью, были встречены жесткой критикой. Выбор белорусского общества в пользу тесных отношений с Россией оценивался польскими учеными негативно, высказывалось сожаление об упущенных возможностях ориентации на «европейские ценности» [41; 53].

Идеи регионостроительства стали популярны и в Литве. Литовский политолог Э. Некрашас отмечал, что «настойчивые усилия стать региональным лидером отдаляют Литву от Европы»: «осуществляя концепцию регионального лидерства, Литва больше внимания уделяла отно-

шениям с восточными соседями, а не с западными, в первую очередь с важнейшими странами ЕС — Германией, Францией, Соединенным Королевством» [54, р. 141]. Кризис на Украине, спровоцированный Литвой, по большому счету, стоил «четверке» европейского имиджа. Европа разочаровалась в возможностях Вишеградского ансамбля [55].

Следующий принципиально важный вопрос касается оценки российского фактора в формировании и функционировании Балтийско-Черноморских проектов — концепций «Междуморья». Рассмотренные источники и литература убедительно свидетельствуют о том, что данные политические проекты никак не могут считаться нейтральными по отношению к России [56]. Концепция союза восточноевропейских государств изначально предполагает самоидентификацию, где гарантированный «чужой» — Россия в ее любом качестве (имперском, советском или современном). Практически лимитрофы межвоенного периода несли на себе отпечаток двойной пограничности по отношению к России и Западной Европе. Проекты «Малой Антанты», «Балтийской Антанты» и т. п. не привели к созданию эффективных форм сотрудничества, в том числе из-за неясности отношений с Западной Европой. Лишь в варианте «Серединной Европы» проект «Междуморье» становится более чем самодостаточен, но только именно в этом случае. Без Германии любая структура «Междуморья» обладает признаками буферности и пограничности, но не экономической и политической устойчивостью. С другой стороны, любой квазисоюз с Германией означает заведомо подчиненное положение всех остальных участников союза. Возможно, Чехию этот вариант устраивает, Польшу нет.

Сама концепция «Междуморья» предполагает построение блока стран, позволяющего разговаривать с партнерами более убедительно, чем это могло бы делать по отдельности любое государство — от Литвы до Румынии. На практике же ни одного реального проекта балтийско-черноморского сотрудничества не реализовано. Это происходит потому, что на уровне концепций сотрудничество государств «междуморья» всегда позиционируется как равноправное. В основе такого сотрудничества должно находиться экономическое и политическое объединение с транзитивной экономикой, развернутой в теории как на Запад, так и Восток. Однако комплекс исторических, этнографических, географических, конфессиональных причин мешает налаживать взаимовыгодное сотрудничество. Приведем только один пример: концепт Великого княжества Литовского, спроецированный в современность, способен разрушить или ослабить любой проект «Междуморья».

Реальное или гипотетическое противостояние с Россией, безусловно, является значимым интегрирующим фактором, но этого никак недостаточно для того, чтобы Балтийско-Черноморское партнерство превратилось в какой-либо реальный экономический или политический союз. «Восточное партнерство» и суррогаты типа Вишеградской группы свидетельствуют о том, что вопрос о существовании самостоятельного проекта «Междуморья» закрыт. Иное дело, потенциально возмож-

ный проект новой центральноевропейской интеграции (внутри?) ЕС. Новая польская и венгерская политика в вопросах миграции может стать началом объединяющей платформы нового типа.

Ситуация с социальными и экономическими процессами в Европе говорит о том, что любой восточноевропейский проект сам по себе не жизнеспособен. Приведенные в статье примеры политического и экономического конструирования региональной идентичности по принципу «против кого дружите» будут постоянно возникать и столь же часто закрываться. Эффективность проектирования Балтийско-Черноморских союзов лимитируется экономическими факторами. Региональное развитие в регионе «междуморья» было ориентировано в первую очередь на преодоление лимитрофности и периферийности этого региона. Однако конкретных механизмов для этого до сих пор не создано, хотя существует ряд проектов по развитию транспортных транзитных коридоров и инфраструктуры. Экономической сердцевиной идеи «междуморья» является транспортная составляющая. В феврале позапрошлого года совместно с Беларусью и Литвой в рамках международного транспортного коридора №9 был задействован железнодорожный проект комбинированных перевозок «Викинг» по маршруту Ильичевск — Клайпеда.

Польша намерена построить автомагистраль S19, которая является частью общеевропейского маршрута Via Carpathia. Об этом заявил польский министр инфраструктуры и строительства А. Адамчик в одном из первых своих интервью после назначения. «Маршрут S19 должен быть реализован. Автомагистраль S19 будет находиться в восточной части Польши, пересекая страну с севера на юг. Дорога начинается у литовской границы (Будзиско), проходит через Сувалки, Белосток, Люблин, Жешув и заканчивается на границе со Словакией (Барвинек)». В этом же контексте следует рассматривать и проект «Rail Baltica» [57].

Подведем итоги. Геополитические изменения в Евразии в конце 80-х — начале 90-х гг. предыдущего столетия привели к появлению разнообразнейших моделей экономического и политического сотрудничества. Адаптируясь к новым условиям по форме, проекты «Междуморья» содержательно являются фактором, сдерживающим развитие Восточной Европы как политического и экономического региона. Восточная Европа как историческая и политическая общность и объективная реальность имеет все возможности для самостоятельного и самодостаточного развития. Некритичное смешение объективных характеристик Восточной Европы как региона, заинтересованного в сотрудничестве с Россией, и изначально антироссийской концепции «Междуморья» особенно контрпродуктивно в современных условиях.

Список литературы

1. *Transnational Relations and World Politics* / Keohane R., Nye J. S. (eds). Cambridge: Harvard University Press, 1970.
2. *Fawcett L. Regionalism in Historical Perspective // Regionalism in World Politics* / Fawcett L., Hurrell A. (eds). Oxford University Press, 1995.

3. *Казанюс Ж.* Европейская идентичность // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск, 2001.
4. *Ушаков Н.А.* Суверенитет в современном международном праве. М., 1963.
5. *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002.
6. *Walzer M.* On Toleration. Lectures on ethics, politics and economy. Yale University Press, 1997.
7. *Fukuyama F.* State Building: Governance and World Order in the 21st. Century London. Profile, 2004.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М., 2003.
9. *Тоддлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М., 2003.
10. *Бжезинский З.* «Последний суверен на распутье» // Россия в глобальной политике. 2006. № 1.
11. *Ohmae K.* The End of the nation State. London, 1998.
12. *Mandelc D., Učakar T.* Perforated Democracy: Disintegration, State-building, Europeanisation and the Erased of Slovenia // REVIJA ZA SOCIOLOGIJU. 2011. №41. P. 27—49.
13. *Суверенитет* : сборник / сост. Н. Гараджа. М., 2006.
14. *Идея суверенитета в российском, советском и постсоветском контексте* : материалы научного семинара. М., 2008. Вып. №4 (13).
15. *Иванов В.В.* Теория государства. М., 2010.
16. *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности* / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М., 2011.
17. *Государство в эпоху глобализации: экономика, политика, безопасность* // Мировое развитие / отв. ред. Ф.Г. Войтоловский и А.В. Кузнецов. М., 2008. Вып. 3.
18. *Добронравиш Н.* Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Препринт М-2 1/11 / Европейский университет. СПб., 2011.
19. *«Замороженные» конфликты: перспективы разрешения, динамика и последствия* / Центр геополитических исследований. Вильнюс, 2007.
20. *Симон М.* Интеграционные процессы в странах Вышеградской группы: роль концепции Центральной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2014. №7.
21. *Лыкошина Л.С.* Европейский вектор развития Польши. Возвращение к истокам или поиск новой идентичности? // «Вишеградская Европа». 2014. №3. (Приложение к журналу Института Европы РАН «Современная Европа». 2014. №4. С. 42.)
22. *Межевич Н.М.* Идентичность и граница: некоторые теоретические вопросы и практики в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2014. №3. С. 95—106.
23. *Кузнецова Е.* Ускользающий суверенитет: статус-кво против идеологии перемен. М., 2013.
24. *Giddens A.* Sociology, Polity. London, 1991.
25. *Wildhaber L.* Sovereignty and International Law // R.St.J. Macdonald and Douglas M. Johnston, eds. The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory. Dordrecht, Netherlands: Nijhoff, 1986.
26. *Кобринская И.* Внутренние факторы внешней политики в посткоммунистической России // Россия политическая. М., 1998.
27. *«Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918 гг.* М., 1977.
28. *Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 98—102.

29. Романенко С.А. Процесс национального самоопределения народов Средней и Восточной Европы: итоги к концу 20 века // *Migracijske teme. Časopis za istraživanja migracija i narodnosti*. Zagreb, 1994. G.10.
30. Coates Z.K. Six centuries of russo-polish relations. London, 1948.
31. Zgorzelski C. Przywołanie z pamixci, Lublin, 1996.
32. Swianiewicz S. Polityka gospodarcza Niemiec Hitlerowskich // *Biblioteka Polityki*. Warszawa, 1938.
33. Корнат М. У истоков советологических и востоковедческих исследований в Польше (1919—1939). Основные исследовательские центры // *Журнал польского Института международных дел*. 2002. Т. 2. №4(5). С. 170.
34. Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919—1924 // *Новая и новейшая история*. 2002. №4. С. 43—67.
35. Геньк Н.А. Львов — город польско-украинского конфликта и примирения // *EURASIA: STATUM ET LEGEM*. 2014. №1.
36. Гулевич В. Доктрина Междуморья и евроинтеграция Украины. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=10346> (дата обращения: 17.02.2014).
37. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003.
38. Цымбурский В.Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы (Судьба балтийско-черноморской системы в XVI—XX вв.) // *Полис*. 1998. №4. С. 52—73.
39. Ильин М.В. Балто-Черноморская система как фактор формирования государств в Восточной Европе // *Политическая наука*. 2008. №1.
40. Тарасов И.Н. Идеологическое перепутье Центрально-Восточной Европы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35964> (дата обращения: 27.12.2008).
41. Тарасов И.Н. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы // *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза*. 2010. №1. С. 83—94.
42. Костюшко И.И. Восточная Европа после «Версаля». М., 2007 (Сер. «Славянская библиотека», «Алетей»).
43. Мир силой оружия. «Восточная Европа после «Версаля». URL: <http://www.svoboda.org/content/article/405502.html> (дата обращения: 03.08.2007).
44. Рябиченко А. Профессор Пал Тамаш предлагает создать «Новую Ганзу». URL: http://russiancouncil.ru/blogs/norrsida/?id_4=833 (дата обращения: 22.11.2013).
45. Мальгин А.В. «Новая Восточная Европа» и стратегические интересы России. URL: http://mgimo.ru/gpf-yaroslavl/210341.html?sphrase_id=127957 (дата обращения: 21.12.2015).
46. Носков В.В. Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // *Диалог со временем*. 2010. №32.
47. Романенко С.А. Межэтнические противоречия, региональное самосознание и политические союзы в южной части Средней Европы в конце XIX — начале XX в. // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета* Сер. «Международные отношения. Регионоведение». 2012. №7 (87).
48. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 2000.
49. Zernack K. Polska i Rosja: dwie drogi w dziejach Europy // *Wiedza Powszechna*. Warszawa, 2000. S. 783.
50. Казин Ф.А. Закат транзитологии или «серая зона» Европы? // *Центр международной и региональной политики*. URL: <http://www.cirp.ru/publications/kazin/transition.htm> (дата обращения: 21.12.2015).

51. *Бжезинский З.* Агония коммунизма // Квинтэссенция: Филос. Альманах / сост. В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. М., 1990.

52. *Маленков Г.М.* 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1949.

53. *Wierzbicki A.* Nacjonalizm i geopolityka w Europie Wschodniej // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich / Uniw. Warszawski; Międzyinstytutowa Pracownia Badań nad Rosją i Państwami Poradzieckimi. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2012. S. 111—112.

54. *Nekrašas E.* Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką // Politologija. 2009. T. 2(54).

55. *Шишелина Л.А.* Обращение к читателям // «Вишеградская Европа». 2014. №3 (Приложение к журналу Института Европы РАН «Современная Европа» 2014. №4. С. 7).

56. *Житин Д.В.* Геополитика России: 400 лет назад и сегодня // Известия РГО. 1994. Т. 126, вып. 6. С. 31—37.

57. *Межевич Н.М.* Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010—2014 годов // Балтийский регион. 2014. №1. С. 7—28.

Об авторе

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: mez13@mail.ru

Для цитирования:

Межевич Н.М. Восточная Европа. К столетнему юбилею политического проекта // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 26—47. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-2

EASTERN EUROPE. ON THE CENTENARY OF THE POLITICAL PROJECT

N. Mezhevich*

* Saint Petersburg State University

7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Submitted on December 10, 2015

This article describes the characteristics of Eastern Europe as a political project. The author considers the genesis of Eastern Europe as a political region and identifies several periods in its history. The author analyses key features of sovereignization- desovereignization of the region and examines geopolitical projects of Intermarium. It is shown that Eastern Europe as such is an objective reality, whose history has not ended. At the same time, the author advances and proves the thesis

that various 'Baltic/Black Sea' cooperation models aimed at isolating Russia act against the interests of all participants of the political process. A number of methods, including the historical and structural functional analyses and the system approach are used in the study. The central hypothesis is that, as a political project, Intermarium reflects an important part of the systemic features of Eastern Europe as a political region. However, it is not identical to the region in terms of its geography or political regionalism. The anti-Russian sentiment of the Intermarium project is dominant. Yet, it is not immanent in this group of concepts. Reformatting the Intermarium concept in line with the new Moscow-Warsaw-Berlin cooperation model can be considered a feasible political task, which requires an adequate scientific solution. Moreover, Eastern Europe has reached the point of bifurcation. The region may become another new source of instability in Europe. Intermarium projects — a traditional object of research — have to be re-evaluated in the new political and economic conditions. This article is a step in this direction.

Key words: Eastern Europe, Russia, Poland, European Union, periphery, limitrophe states, identity, sovereignty, Intermarium.

References

1. Keohane, R., Nye, J. S. (eds). 1970, *Transnational Relations and World Politics*, Cambridge, Harvard University Press.
2. Fawcett, L. 1995, *Regionalism in Historical Perspective*. In: Fawcett, L., Hurrell, A. (eds) *Regionalism in World Politics*, Oxford University Press.
3. Kazajus, J. 2001, 'Evropejskaja identičnost' [European identity], In: *Evropejskaja integracija: sovremennoe sostojanie i perspektivy* [European Integration: current situation and prospects], Minsk.
4. Ushakov, N. A. 1963, *Suverenitet v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Sovereignty in contemporary international law], Moscow.
5. Lloyd, D., 2002, *Ideja prava* [The Idea of Law.], Moscow.
6. Walzer, M. 1997, *On Toleration. Lectures on ethics, politics and economy*, Yale University Press.
7. Fukuyama, F. 2004, *State Building: Governance and World Order in the 21st. Century* London. Profile.
8. Huntington, S. 2003, *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations], Moscow.
9. Toffler, E. 2003, *Shok budushhego* [Future Shock], Moscow.
10. Brzezinski, Z. 2006, 'Poslednij suveren na rasput'e' [The last sovereign at the crossroads], *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], no. 1.
11. Ohmae, K. 1998, *The End of the nation State*, London.
12. Mandelc, D., Učakar, T. 2011, 'Perforated Democracy: Disintegration, State-building, Europeanisation and the Erased of Slovenia', *Revija za sociologiju*, no. 41, p. 27—49.
13. Garaja, N. (comp.), 2006, *Suverenitet* [Sovereignty], Moscow.
14. 'Ideja suvereniteta v rossijskom, sovjetskom i postsovjetskom kontekste' [The idea of the sovereignty of the Russian, Soviet and post-Soviet context], 2008, Proceedings of scientific seminar *Civilizational context and value of Russian policy grounds*, no. 4 (13).
15. Ivanov, V. V. 2010, *Teorija gosudarstva* [Theory of state], Moscow.
16. Ilyin, M. V., Kudryashov, I. V. (eds.), 2011, *Asimetrija mirovoj sistemy suvereniteta: zony problemnoj gosudarstvennosti* [The asymmetry of the global system of sovereignty: the problem of statehood zone], Moscow.

17. Voytolovsky, F. G., Kuznetsov, A. V. 2008, Gosudarstvo v jepohu globalizacii: jekonomika, politika, bezopasnost' [The state in the era of globalization: economics, politics, security]. In: *Mirovoe razvitie* [World development], no. 3, 219 p.

18. Dobronravin, N. 2011, *Nepriзнанные gosudarstva v «seroj zone» mirovoj politiki: osnovy vyzhivaniya i pravila suveren* [Unrecognized States in the "gray zone" of world politics: the survival of the foundations and rules of the sovereign], Saint Petersburg.

19. «Zamorozhenny» konflikty: perspektivy razresheniya, dinamika i posledstviya ["Frozen" conflicts: the prospects for resolution, dynamics and consequences], 2007, Vilnius, Centre for Geopolitical Studies.

20. Simon, M. 2014, Integracionnyye processy v stranah Vyshegradskoj grupy: rol' koncepcii Central'noj Evropy [Integration processes in the Visegrad countries: the role of the Central European concept], *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 7, p. 23.

21. Lykoshina, L. S. 2014, Evropa, Evropejskij vektor razvitiya Pol'shi. Vozvrashhenie k istokam ili poisk novej identichnosti? [Europe, European vector of development of Poland. Back to basics, or search for a new identity?], *Vishegradskaja*, no. 3; *Sovremennaja Evropa* [Modern Europe], 2014, no. 4, p. 42.

22. Mezhevich, N. 2014, Borders and Identity in Theory and Practice of the Eastern Baltic Region, *Baltic Region*, no. 3, p. 95 – 106.

23. Kuznetsova, E. 2013, *Uskol'zajushhij suverenitet: status-kvo protiv ideologii peremen* [Escaping sovereignty: the status quo against the ideology of change], Moscow.

24. Giddens, A. 1991, *Sociology, Polity*, London.

25. Wildhaber, L. 1986, Sovereignty and International Law. In: Macdonald, R. St. J., Douglas M. Johnston (eds.), *The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory*, Dordrecht, Netherlands, p. 440—441.

26. Kobrinskaya, I. 1998, Vnutrennie faktory vneshnej politiki v postkommunisticheskoj Rossii [Rossija politicheskaja Rossija politicheskaja]. In: *Rossija politicheskaja* [Russian political], Moscow.

27. Volkov, V. K. (ed.), 1977, «Drang nah osten» i narody Central'noj, Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Evropy. 1871—1918 gg. ["Drang nach Osten" and the peoples of Central, Eastern and South-Eastern Europe. 1871—1918 gg.], Moscow.

28. Ludendorff, E. 1924, *Moi vospominaniya o vojne 1914—1918 gg.* [My memories of the war of 1914—1918.], T. 2, Moscow, p. 98—102.

29. Romanenko, S. A. 1994, Process nacional'nogo samoopredeleniya narodov srednej i vostochnoj Evropy: itogi k koncu 20 veka [The process of national self-determination of the peoples of Central and Eastern Europe: results of the end of the 20th century]. In: *Migracijske teme. Časopis za istraživanja migracija i narodnosti*, Zagreb, p. 10.

30. Coates, Z. K. 1948, *Six centuries of russo-polish relations*, London.

31. Zgorzelski C., 1996, *Przywołanie z pamixci*, Lublin.

32. Swianiewicz, S. 1938, Polityka gospodarcza Niemiec Hitlerowskich, *Biblioteka Polityki*, Warszawa.

33. Kornat, M. 2002, U istokov sovetologicheskikh i vostokovedcheskikh issledovanij v Pol'she (1919—1939). Osnovnye issledovatel'skie centry [At the root of Sovietological and Oriental Studies in Poland (1919—1939). Main research centers], *Zhurnal pol'skogo instituta mezhdunarodnyh del* [Journal of the Polish Institute of International Affairs], T. 2, no. 4(5), p. 170.

34. Simonova, T. M. 2002, «Prometeizm» vo vneshnej politike Pol'shi. 1919—1924 ["Prometheism" in the foreign policy of Poland. 1919—1924], *Novaja i novejšaja istorija* [Modern and Contemporary History], no. 4, p. 43—67.

35. Genyk, N. A. 2014, L'vov – gorod pol'sko-ukrainskogo konflikta i primirenija [Lions - a city of the Polish-Ukrainian conflict and reconciliation], *EURASIA: STATUM ET LEGEM*, no. 1, p. 15.
36. Gulevich, V. 2014, Doktrina Mezhhdumor'ja i evrointegracija Ukrainy [The doctrine of Land Between the Seas and the European integration of Ukraine], *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International Affairs], available at: URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=10346> (accessed 17.02.2014).
37. Wulf, L. 2003, *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: Map of civilization in the minds of the Enlightenment], Moscow.
38. Tsymbursky, V. L. 1998, Kak zhivut i umirajut mezhdunarodnye konfliktnye sistemy (Sud'ba Baltijsko-chernomorskoj sistemy v XVI—XX vv.) [How to live and die international conflict system (fate of the Baltic-Black Sea system in the XVI—XX centuries)], *Polis*, no. 4, p. 52—73
39. Ilyin, M. V. 2008, Balto-Chernomorskaja sistema kak faktor formirovanija gosudarstv v Vostochnoj Evrope [Baltic-Black Sea system as the factor of formation of states in Eastern Europe], *Politicheskaja nauka* [Political science], no. 1.
40. Tarasov, I. N. 2008, *Ideologicheskoe pereput'e Central'no-Vostochnoj Evropy* [The ideological crossroads of Central and Eastern Europe], available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35964> (дата обращения: 27.12.2008).
41. T. Tarasov, I. N. 2010, Vybor formy pravlenija kak institucional'naja problema postkommunizma: opyt stran Central'no-Vostochnoj Evropy [Selection of forms of government as an institutional problem of post-communism: the experience of the countries of Central and Eastern Europe], *POLITJeKS. Politicheskaja jekspertiza* [POLITEKS. Political expertise], no. 1. С. 83—94.
42. Kosciuszko, I. I. 2007, Vostochnaja Evropa posle "Versalja" [Eastern Europe after the "Versailles"], Ser. Slavjanskaja biblioteka [Slavonic library], Moscow.
43. Smirnov, I. 2007, Mir siloj oruzhija. «Vostochnaja Evropa posle «Versalja» [World by force of arms. "Eastern Europe after the" Versailles"], *Radio Svoboda* [Radio Liberty], available at: <http://www.svoboda.org/content/article/405502.html> (accessed 03.08.2007).
44. Ryabichenko, A. 2013, Professor Pal Tamash predlagaet sozdat' «Novuju Ganzu» [Professor Pal Tamas proposes to create a "New Hansa"], *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian Council on International Affairs], available at: http://russiancouncil.ru/blogs/norrside/?id_4=833 (accessed 22.11.2013).
45. Malgin, A. V. 2011, «Novaja Vostochnaja Evropa» i strategicheskie interesy Rossii ["New Eastern Europe" and the strategic interests of Russia], MGIMO-University, available at: http://mgimo.ru/gpf-yaroslavl/210341.html?sphrase_id=127957 (accessed 21.12.2015).
46. Noskov, V. V. 2010, Izobretaja Central'no-Vostochnuju Evropu. K vyhodu v svet kollektivnogo truda pol'skih i francuzskih istorikov «Istorija Central'no-Vostochnoj Evropy» [Inventing the Central-Eastern Europe. By the release of a collective work of Polish and French historians "History of East Central Europe"], *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], no. 32, p. 323.
47. Romanenko, S. A. 2012, Mezhetnicheskie protivorechija, regional'noe samosoznanie i politicheskie sojuzy v juzhnoj chasti Srednej Evropy v konce XIX — nachale HH v [Inter-ethnic conflicts, regional identity and political alliances in the southern part of Central Europe in the late XIX — early XX century], *Vestnik Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Ser. Mezhdunarodnye otnoshenija. Regionovedenie* [Bulletin of the Russian State Humanitarian University, Ser. International relationships. Area Studies], no. № 7 (87).

48. Brzezinski, Z. 2000, *Velikaja shahmatnaja doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy)* [The Grand Chessboard (American Primacy and Its Geostrategic Imperatives)], Moscow, 110 s.
49. Zernack Klaus Polska i Rosja: dwie drogi w dziejach Europy, 2000. In: *Wiedza Powszechna*, Warszawa, S. 783.
50. Kazin, F. A. Zakat tranzitologii ili «seraja zona» Evropy? [Sunset transitology or "gray zone" of Europe?], 2015, *Centr mezhdunarodnoj i regional'noj politiki* [Center for International and Regional Policy], available at: <http://www.cirp.ru/publications/kazin/transition.htm> (accessed 21.12.2015).
51. Brzezinski, Z. 1990, Agonija kommunizma [Agony of communism]. In: Mudragey, V. I., Usanov, V. I. Kvintjessencija: Filos. Al'manah [Quintessence: Philos. Almanac], Moscow, 269 p.
52. Malenkov, G. M. 1949, *32-ja godovshhina Velikoj Oktjabr'skoj sociali-sticheskoj revolucii* [32th anniversary of the Great October Socialist Revolution], Moscow, p. 5—6.
53. Wierzbicki ,A. Nacjonalizm i geopolityka w Europie Wschodniej, 2012, *Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich*, Warszawa, S. 111—112.
54. Nekrašas, E. 2009, Kritiniai pamąstymai apie Lietuvos užsienio politiką, *Politologija*, no. 2(54), p. 141.
55. Shishelina, L. A. 2014, Европа, Obrashhenie k chitateljam [Preface], *Vishegradskaja Evropa* [Visegrad Europe], no. 3; Prilozhenie k zhurnalu Instituta Evropy RAN «Sovremennaja» [Supplement to the journal of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences "Modern"], 2014, no. 4, p. 7.
56. Zhitin, D. V. 1994, Geopolitika Rossii: 400 let nazad i segodnja [Geopolitics of Russia: 400 years ago and today], *Izvestia RGO*, Vol. 126, no. 6, p. 31—37.
57. Mezhevich, N. M. 2014, Major infrastructure projects and the foreign policy of the Baltic states in 2010—2014, *Baltic Region*, no. 1, p. 7—28.

About the author

Prof Nikolai Mezhevich, School of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia.

E-mail: mez13@mail.ru

To cite this article:

Mezhevich N. M. 2016, Eastern Europe. On the centenary of the political project. Baltijskij region, Vol. 8, no. 1, p. 26—47. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-2